

ИЗ ИСТОРИИ АЛЕКСЕЕВСКОГО ПРИЮТА В ЛАИШЕВСКОМ УЕЗДЕ

Миронова Е. В., кандидат исторических наук

FROM THE HISTORY OF THE ALEKSEEVSKY SHELTER IN LAISHEV DISTRICT

Mironova E. V.

Социальная благотворительность в Казанской губернии не является новой темой в трудах историков Поволжья. По данной проблематике существуют целые монографии¹, статьи² и сборники документов³. Авторы рассматривают деятельность благотворительных организаций, а также отдельных меценатов, выделявших средства на содержание, лечение и образование нуждающихся слоев населения в городах и уездах Казанской губернии.

Одной из сфер для пожертвованных было призрение детей, оставшихся без родителей. Данному вопросу посвящены работы некоторых казанских исследователей, в деталях раскрывающих систему организации попечения сирот и отмечающих постепенный переход этой отрасли из ведения государства в руки местного самоуправления и целого ряда общественных учреждений⁴.

Широкое распространение сиротских домов в Поволжье приходится на последнее десятилетие XIX столетия, когда голод начала 1890-х гг. привел к высокой смертности среди крестьян и росту количества беспри-

зорных. Чтобы как-то помочь детям, оставшимся без попечения родителей, сельские общества совместно с земствами и частными благотворителями открывали приюты. Наряду с временными пристанищами, призванными обеспечить сирот кровом и хлебом только на период бедствия, учреждались детдома, в которых шло обучение различным видам трудовой деятельности, необходимым во взрослой жизни.

Открытые в 1890-х гг. приюты оказались жизнеспособными и функционировали десятилетиями. К 1916 г. в Казанской губернии насчитывалось 28 заведений для призрения малолетних. 10 из них находились в сельской местности – это Ольгинские детские приюты (в д. Бутлеровка Лаишевского уезда, д. Халаньевка Спасского уезда), Кривозерский земский сиротский приют (в с. Кривозерки Чистопольского уезда) и др.⁵ В большинство приютов попадали дети 7–15 лет. Они обучались в земской или любой другой школе, находившейся в селении. Кроме того, воспитанники занимались ремеслом либо сельским

хозяйством, огородничеством и садоводством. Но доход от трудовой деятельности расходовался не на повседневные нужды приюта, а откладывался в фонд, откуда выпускники получали средства на дальнейшую жизнь.

Именно тогда, в 90-х гг. XIX столетия, и получили развитие идеи создания приютов, которые обеспечивали бы себя сами. Автором работ на эту тему стал земский начальник Камышинского уезда Саратовской губернии Николай Николаевич Жеденов⁶. Он полагал, что воспитанники должны самостоятельно изыскивать средства на свое содержание, занимаясь кустарными промыслами или земледелием. И хотя детдома, основанные по принципу самообеспечения, встретили жесткое противодействие со стороны целых групп населения – начиная от рядовых общинников, не желавших платить за содержание сирот, и заканчивая интеллигенцией, обвинявшей в эксплуатации детского труда, такие учреждения появлялись в Казанской, Пермской, Пензенской и других губерниях.

Идеи Жеденова были взяты за основу при открытии сельскохозяйственного приюта в селе Алексеевском Лаишевского уезда⁷. Инициатором выступил местный землевладелец и земский начальник Николай Александрович Казем-Бек (1865–1918). По долгу службы он не понаслышке был знаком с преступностью в подростковой среде. Например, в 1894 г. из детей в возрасте 14–19 лет, осужденных волостными судами его участка, 64% составляли

беспризорники. Кроме того, безнадзорный образ жизни толкал детей к повторным правонарушениям. Так, Казем-Беку за время судебной практики пришлось осудить 13 подростков, большая часть которых была рецидивистами⁸.

Заметим, что в своем решении открыть приют дворянин мог руководствоваться не только практическими соображениями. Проблему сирот Николай Александрович переживал как личную. Будучи внебрачным сыном, он был отдан родителями на воспитание в чужую семью. И только спустя 10 лет дети от официального брака признали с ним родство, и он получил право на ношение фамилии Казем-Бек.

В отличие от саратовского коллеги, Казем-Беку удалось заручиться поддержкой уездного земства. Так, гласный А. П. Горталов высказал мысль, что «...следовало бы прийти на помощь такому учреждению, как школа-приют»⁹. И с разрешения казанского губернатора в 1893 г. в Лаишевском уезде был открыт Алексеевский волостной приют. Первоначально он разместился в небольшой наемной избе. Но уже через полтора года был куплен просторный двухэтажный полукаменный дом с надворными постройками. Поскольку дом приобретался в рассрочку, земством были привлечены пожертвования, и первый платеж осуществлен на средства купца О. Я. Молоткова, выдавшего 500 рублей в качестве беспроцентной ссуды. И в октябре 1895 г. приют отпраздновал новоселье.

С приобретением нового здания финансовые расходы приюта выро-

сли. Получение более вместительного дома позволило увеличить количество призреваемых, также, кроме учительницы, был приглашен учитель. А для хозяйственных нужд возведены дополнительные строения. Учитывая финансовые запросы приюта, в 1898 г. земство почти вдвое увеличило ассигнования – с 216 до 450 рублей. И если ранее средства шли на наем персонала, то теперь – на содержание земских стипендиатов. Отметим, что гласные настолько симпатизировали данному приюту, что в уездном собрании звучали предложения об увеличении земского пособия до 900 рублей, но в силу ограниченности средств остановились на сумме в два раза меньше. Помимо денежной помощи, земство обеспечивало бесплатный отпуск лекарств из своей аптеки. Из волостного правления ежегодные отчисления составляли 215 рублей.

Тем не менее, этих сумм было недостаточно. В первые годы существования приюта администрация нанимала прислугу: работника – для выполнения тяжелого физического труда, стряпуху и помощницу – для стирки белья и выпекания хлеба, няньку – для ухода за больными. Когда же сироты стали подрастать, то их постепенно приобщали к ведению хозяйства. А со временем часть средств на содержание приюта воспитанники зарабатывали сами.

В 1895 г. Казем-Бек на кредит от Государственного банка купил для приюта конную чесальную машину. Предпринятый опыт оказался удачным, и в первый же год выручка составила 261 руб. Успех

объяснялся высоким спросом на «ческу шерсти», так как все женское население Алексеевской волости занималось прядением. Свою продукцию пряжи сбывали на Ирбитской, Нижегородской, Тюменской и Симбирской ярмарках, получая совокупную прибыль около 65 тыс. руб. в год. В дальнейшем ожидалось увеличить доход приюта за счет приобретения еще одной машины – по переработке шерсти в пряжу. Так, пробная продажа собственной пряжи на Нижегородской ярмарке летом 1896 г. принесла приюту 80 руб.¹⁰

Кроме доходного шерстопрядения, дети были заняты ведением самостоятельного крестьянского хозяйства и выполнением повседневных мелких работ по дому. Девочки занимались рукоделием, а также присматривали за младшими сиротами, шили для них одежду; мальчики обучались столярному и сапожному ремеслам, благодаря чему изготавливали различные поделки для домашнего обихода – чинили обувь и мебель (столы, скамейки и т.д.). Из части доходов с продажи рукодельных изделий формировался фонд, откуда выпускницам выдавалось приданое и вещи, необходимые в домашнем обиходе, а юношам – подъемные деньги в размере 50–75 руб. для организации собственного крестьянского хозяйства.

Летом дети постарше трудились на арендуемой земле. По замечанию Казем-Бека, все работы в поле, а в особенности жнитво, исполнялись воспитанниками с большим рвением. Хотя первые 4 года приходилось прибегать к найму работ-

ника, поскольку принятые сироты были младше 10 лет и выполнять какие-либо трудные работы в поле не могли.

До 1897 г. доход с земли не окупал всех затрат на аренду и наем работника, к тому же это были клочки в разных местах, взятые у крестьян по дорогой цене. Со временем приют стал арендовать 70 казенных десятин у местной землевладелицы на довольно выгодных условиях. Это позволило не только засеять часть надела, но также отвести участок под яровой посев будущего года и даже организовать опытное поле под управлением губернского агронома.

Все эти умения – от ведения домашнего хозяйства до земледелия и ремесел – должны были помочь выпускникам обустроиться в будущей взрослой жизни. В уставе приюта так и прописывалось, что цель учреждения не столько образовательная, сколько воспитательная. Овладевая трудовыми навыками, дети не только приобретали возможность зарабатывать себе на жизнь, но и приучались к бережливости и заботливости, тем самым из них формировались социально ответственные и полезные обществу люди. Но кроме земледелия и ремесел, дети получали общеобразовательные знания: девочки – в Алексеевском женском училище, мальчики – непосредственно в приюте, занимаясь с учителем.

Приют постоянно рос: кроме жилого дома, появились надворные постройки для хозяйственных нужд (птичник, хлев, баня, погреб, 2 хлебных амбара и помещения для конной чесальной машины), арен-

довалось помещение для столярной мастерской, а в 1897 г. Алексеевский волостной сход принял приговор об ассигновании беспроцентной ссуды на строительство отдельного помещения для мальчиков старше 10 лет.

Для этих целей Казем-Бек сумел добиться получения из отдела экономики министерства финансов беспроцентной ссуды в размере 600 руб. сроком на 3 года. Поручителем выступил Алексеевский волостной сход. Надо сказать, что общество села Алексеевского в это же время при участии Н. А. Казем-Бека совершенно бесплатно отдало помещение для народной библиотеки-читальни, капитал под которую завещал покойный крупнейший русский книгоиздатель Ф. Ф. Павленков.

Также на содержание воспитанников активно привлекались частные пожертвования, составлявшие сравнительно большую сумму. Только за один 1897 г. поступило от благодетелей 1356 руб. Некоторые сочувствующие делу приюта приносили продовольствие (муку, горох), ситец и пр.

Однако с уходом Казем-Бека с должности земского начальника в 1898 г. приют лишился не только руководителя, но и авторитетного покровителя, способного привлекать финансы. Более того, в начале XX в. землевладелец столкнулся с серьезными денежными трудностями. По его свидетельству, столыпинская реформа стала причиной его банкротства. И дворянин уже не мог заниматься общественной работой. Тем не менее приюту было присвоено имя Казем-Бека в знак признания

его личных заслуг. Ведь все знали, что даже личная трагедия, которая случилась с ним уже через год после открытия школы, не заставила бросить начатое дело – в 1894 г., на 17-й день после свадьбы, погибла его супруга, утонув на обратном пути из села Алексеевского, где молодой Николай показывал устроенный им приют.

Оставшись без поддержки поручителя, Алексеевский волостной сход отказался от уплаты ссуды в размере 600 руб., выданной отделом экономии министерства государственных имуществ. А в 1908 г. приговором от 20 апреля сельские жители и вовсе отказались от уплаты ссуды. Дальнейшее функционирование данного учреждения стало возможным благодаря бесперебойному финансированию со стороны земства, но поиском дополнительных средств для реализации новых проектов по развитию приюта (как, впрочем, и разработкой самих проектов) заниматься стало уже некому. В уездную управу неоднократно по-

ступали заявления администрации приюта о необходимости увеличения материальной помощи. В связи с чем земство ходатайствовало о ежегодном пособии перед Романовским комитетом, созданным в годы Первой мировой войны с целью поддержки сирот «сельского состояния».

Таким образом, Алексеевский волостной приют стал результатом работы сразу нескольких звеньев местного управления – уездного земства, волостного схода, земского начальника. Крестьяне поддержали идею, и какое-то время исправно вносили сборы на содержание приюта. Земство ассигновало довольно большие денежные суммы. А Казем-Бек стал не просто инициатором открытия, но и равнодушным попечителем. И если в Саратовской губернии противодействие приюту носило открытый характер, то в рассмотренном случае смена руководителя помешала полностью реализовать идею самообеспечения. С 1916 г. упоминания о приюте не встречается.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru.

Аннотация: В Казанской губернии после голода начала 1890-х гг. появилось много беспризорных, которые совершали преступления. Идея, предложенная саратовским земским начальником Н. Н. Жеденовым об организации детских приютов, основанных на принципе самообеспечения, могла решить эту проблему. Лаишевский помещик Н. А. Казем-Бек организовал такой приют в селе Алексеевском. Привлекая помощь извне, он смог обеспечить эффективное функционирование приюта. Но после его ухода с должности земского начальника и разорения дополнительное финансирование уменьшилось, и приют стал испытывать трудности. Во многом успешная деятельность приюта была обусловлена слаженным взаимодействием земства, волостного самоуправления и земского начальника. Но смена попечителя стала сильным ударом для приюта и с 1916 г. он уже не упоминается в источниках.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, Алексеевский приют, Н. А. Казем-Бек, Н. Н. Жеденов.

Abstract: In Kazan province, after the famine of the early 1890s, there were many homeless people who committed crimes. The idea proposed by the Saratov Zemstvo chief N. N. Zhedenov about the organization of children's shelters based on the principle of self-sufficiency could solve this problem. Laishevsky landowner N. A. Kazem-Bek organized such a shelter in the village of Alekseevsky. By attracting outside help, he was able to ensure the effective functioning of the shelter. But after his departure from the position of the Zemstvo chief and ruin, additional funding decreased, and the shelter began to experience difficulties. In many ways, the successful operation of the shelter was due to the well-coordinated interaction of the Zemstvo, volost self-government and the Zemstvo chief. But the change of Trustee was a strong blow for the orphanage and since 1916 it is no longer mentioned in the sources.

Key words: Kazan province, Laishev district, Alekseevsky shelter, N. A. Kazem-Bek, N. N. Zhedenov.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Милюков И. И. Проповедники милосердия: [о деятельности казанских благотворительных организаций (заведений, обществ) второй половины XIX – начала XX веков]. – Казань: Отечество, 2009; Таиров Н. И.

Татарская буржуазия Поволжья и Приуралья: социальная деятельность, благотворительность и меценатство (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Казань: [Изд-во КГУКИ], 2011.

2 Ермаков В. В. Социальная благотворительность в Прикамье в XIX – начале XX в. // Власть. 2011. № 12; Зиннатуллина Д. Г. Роль частной инициативы в развитии системы общественного призрения Казанской губернии // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4; Рафикова Г. Э. Питомнический промысел деревень Казанского и Лаишевского уездов Казанской губернии в начале XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 4. С. 185–192.

3 У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII – нач. XX вв.): Сб. док. и материалов: в 2 т. / Сост.: А. М. Дмитриева и др. – Казань: Гасыр, 2002.

4 Рафикова Г. Э. Развитие государственного и общественного призрения детей-сирот в XIX – начале XX в. (по материалам г. Казани): автореф. ... к. и. н. – Казань, 2013; Зиятдинова Д. Г. Деятельность Казанского Приказа общественного призрения (1781–1869 гг.): автореф. ... к. и. н. – Казань, 2009.

5 Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения / сост. Канцелярией Совета министров (по Романов. ком.). – Пг.: Гос. тип., 1916. С. 96, 102.

6 Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. С 5-ю рисунками и с 5-ю планами. – СПб.: кн. Маг. Н. Фену и Ко, 1896; Жеденов Н. Н. Общественное призрение детей на началах самостоятельного их существования в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Изд. 2. – Саратов, 1894.

7 Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 395, оп. 1, д. 648, л. 3 об.

8 Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Лито-тип. И. Н. Харитоновна, 1897. С. 4.

9 Постановления Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося в заседании: экстренном 10 августа и XXX очередном с 3 по 10 октября 1894 г. – Казань: Скоропечатня Л. П. Антонова, 1895. С. 8.

10 РГИА, ф. 395, оп. 1, д. 648, л. 1.